

**ЛИБЕРАЛЫ ОБ ОПРЕДЕЛЯЮЩЕЙ РОЛИ
ПРИНЦИПА ВЕРХОВЕНСТВА ЗАКОНА
В СТАНОВЛЕНИИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА**

Карипов Б.Н.

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии
Кокшетауского государственного университета имени Ш. Ш. Уалиханова (Казахстан),
докторант кафедры социологии и политологии ИППК Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова (Россия)

УДК 321.01

ББК 67.021

В статье показано, что анализ теоретических позиций российских политических мыслителей либерального направления и ученых юристов по вопросу о путях реализации принципа верховенства закона позволяет выделить два аспекта: понимание закона в материальном либо в формальном смысле. Первый подход отрицает верховенство тех актов законодательства, которые составляют продукт осуществления не нормативной, а прагматической функции, второй – требует придерживаться нормативной природы и формы закона.

Ключевые слова: либералы, правовое государство, принцип верховенства закона, конституция.

Karipov B.N.

**LIBERALS' OPINION ON A DEFINING ROLE OF A LAW
SUPREMACY PRINCIPLE IN ESTABLISHING A LEGAL STATE**

The article shows that the analysis of theoretical positions of the Russian political minds of a liberal direction and law scientists on the issue concerning the implementation of a law supremacy principle allows to point out two aspects: law comprehension in material or formal meaning. The first approach denies the supremacy of those legal acts which form the product performing not regulatory but pragmatic function, the second one – demands to stick the regulatory nature and form of a law.

Key words: liberals, legal state, law supremacy principle, constitution

Российские либеральные мыслители исходили из того, что одну из определяющих ролей в становлении правовой государственности играет принцип *верховенства закона*. Этот принцип понимался в данном случае как требование ко всем социальным субъектам подчиняться закону; от этой обязанности не освобождались ни один государственный орган, ни одно должностное лицо или общественная организация, ни один человек. В соответствии с подобной трактовкой либеральный дискурс, основывающийся на принципиальном, полновесном, представлении о верховенстве закона, включал в себя следующие структурные элементы: закон как господство безличных норм права; закон в материальном и формальном значении этого понятия; законодательные, правительственные и судебные акты, их соотношение; законы основные и обыкновенные; чрезвычайные указы; пути реализации верховенства закона.

Учение о правовом порядке как господстве безличных норм права развивалось в России под несо-

мненным влиянием учения Жан - Жак Руссо о верховенстве закона и о гражданском равенстве [1, с. 176-178]. Его суть заключалась в том, что закон как высшая норма государственной жизни приходит на смену произволу самовластного лица или лиц, властвовавших по личному усмотрению, с позиций силы, а не права. Именно закон выражает некоторые общие безличные правила поведения многих людей, независимо от конкретных качеств последних. Развивая данную позицию руссоизма, А. С. Алексеев профессор государственного права полагал, что эта идея недостаточно оценена и использована в современной (на тот исторический момент) науке государственного права. А. С. Алексеев подчеркивал, что после перехода России к представительному строю следовало также признать самостоятельный авторитет права и покончить с воззрением на него как на предписание со стороны носителей власти. Государство понималось не как сумма бесправных и безгласных подданных, связанных подчинением абсолютной сверхправовой силе,

но как союз свободных граждан, способных подчиняться лишь безличным велениям, которые говорят или от имени закона, или устами учреждений, призванных повелевать в интересах целого, в пределах и формах закона [2, с. 16].

Коренную предпосылку осуществления правового государства либеральный русский историк, писатель, правовед, политический деятель С. А. Котляревский усматривал в принципе *относительной независимости права и государства друг от друга*. По убеждению С. А. Котляревского, правовое ограничение включало в себя нечто большее, чем простое упорядочение проявленной власти. Предпосылки подобного самоограничения, условия возникновения двусторонних норм обнаруживались в переходе к общим для всех подвластных нормам, в требовании одинакового повиновения от этих подвластных, хотя еще не наделенных какими-либо публичными правами. В этом уже заключалось признание со стороны власти известного принципа равенства, которым она должна была руководствоваться.

Государству надлежит охранять индивидуальную и политическую свободу человека уже тем, собственно, фактом, что она находится – благодаря государству – под защитой закона. Закон выполняет «защитную» функцию в таком государстве, где он является *всеобщим* правилом, обладающим высшим авторитетом и недостижимым для человеческого произвола. Иными словами, закон действителен в таком государстве, в котором он устанавливается не личной волей правителей, но волей самого целого – государства как организованного народного единства. Именно это обстоятельство может являться условием верховенства закона, когда закон как высшая норма подчиняет себе все другие акты власти [3, с. 168].

Закон рассматривался либерально ориентированными правоведами в материальном и формальном аспектах. Как отмечал российский государственный и политический деятель, юрист и публицист В. М. Гессен, во времена господства полицейского государства, было известно только материальное понимание закона. Это означало, что закон представляет собой общую (и постоянную) норму, исходящую от верховной власти. Обратное же, конкретное (и преходящее) веление, исходящее от той же власти, не признавалось законом [4, с. 19-20]. В конце XIX – начале XX века господствующее положение заняла позиция, согласно которой закон должен был отличаться от правительственных распоряжений еще и по внешним, формальным признакам. Эта точка зрения, широко распространенная в немецкой юридической литературе, активно развивалась в России. Так, российский историк права Ф. В. Тарановский указывал, что начало правомерности правления государственной власти выставило

по отношению к законодательству два существенных требования: формальное и материальное. Первое заключалось в том, что законы должны были создаваться компетентными государственными органами в установленном законодательном порядке. Второе – чтобы содержание законов не выходило бы за правовые пределы, поставленные на пути вмешательства государственной власти в личную и общественную жизнь граждан. Такие требования удовлетворялись бы через установление особой категории основных законов, которые получали в правовом государстве наибольшую силу обязательного действия [5, с. 491].

А. С. Алексеев считал, что современное правовое государство характеризуется отсутствием суверенной власти, сосредоточенной в руках одного человека или группы лиц, хотя бы это лицо и носило титул монарха и хотя бы эти люди именовались парламентом, в отличие от немецкой доктрины, отстаивавшей необходимость для государства органа, которому должна была принадлежать высшая решающая власть. Более того, в правовом государстве не только не должно было существовать суверенной власти или суверенного органа, но единственным системообразующим элементом, наделенным статусом суверенности, мог выступать лишь сам закон, рождающийся в результате сложного юридического процесса, в участие котором принимали бы несколько органов в формах, установленных конституцией.

Российские либеральные мыслители рассматривали вопрос о материальном и формальном аспектах закона, увязывая его с вопросом о природе и соотношении законодательных и правительственных актов. В частности, русский ученый – юрист, философ права Н. М. Коркунов, оперируя формальным пониманием закона, полагал, что между законодательством и правительством в конституционном государстве существует различие не материального характера, а формального и что законодательные и правительственные акты различаются не по содержанию, а по форме. Все постановления правительства с участием народного представительства являются законодательными актами; все те постановления, которые возникают благодаря односторонней власти правительства – правительственными актами. Понятие законодательного акта не обусловлено какой-либо определенной конкретной формой государства. Оно предполагает образование особой группы актов власти в общей сфере верховного управления, имеющих одну определенную форму, придающую им высшую, безусловную силу, делающую их последним проявлением государственной власти и мерилем всех других актов государственного властвования.

По мнению либерального правоведа, формальное различие законов и указов только тогда могло

иметь практическое значение, когда к нему присоединялось и соответствующее различие в силе [6, с. 596]. Законодательным актом мог быть отменен любой иной акт государственной власти, а законодательные акты могли быть отменены и изменены только законодательным путем. Указ имел обязательную силу лишь при условии не противоречия его закону. В силу такого подчинения указов закону указ не мог ни отменить, ни приостановить действия закона, ни освободить кого-либо от подчинения закону. Если в конституции прямо указывалось, что по определенному предмету юридические нормы должны быть установлены законом, указы уже не могли касаться этих предметов. Из начала подчинения указов законам также следовало, что указом не могло быть установлено обязательное толкование закона. По определению Н. М. Коркунова, указ представлял собой «общее правило, устанавливаемое в порядке управления» [7, с. 227]. Указ отличался от закона отсутствием законодательной формы; от других же актов управления – тем, что им устанавливалось не частное распоряжение, но общее правило. Указы могли относиться ко всему, что составляло предмет деятельности государственного управления. Однако юридическое значение имело лишь то различие в содержании указов, которым обуславливалось различие в их обязательной силе. Так, например, указы, устанавливающие юридические нормы, существенно различались от указов административных или технических.

С вопросом о материальном и формальном подходе к пониманию закона была тесно связана и *градация законов на основные и обыкновенные*. Часто с формальной точки зрения законом считались любые решения, которые принимались с участием органов народного представительства, хотя по реальному своему содержанию и значению они могли существенно различаться. Отсюда возникала насущная потребность в содержательном и функциональном разграничении законов. Большинство юристов отводили ведущую роль среди всех законов конституции, или «основному закону». В частности, Ф. В. Тарановский утверждал, что основные (конституционные) законы определяют, с одной стороны, устройство высших государственных органов, с другой – субъективные публичные права граждан. В компетенцию государственных органов входят законодательная деятельность и порядок издания законов. Таким образом, в основных законах устанавливались как правовые формы, так и правовые пределы законодательства. Основные законы наделялись наибольшей в государстве силой обязательного действия и в этом отношении они стояли выше всех остальных законов, которые, в отличие от основных, получили наименование «обыкновенных». Обыкновенные законы не должны были нарушать основных

законов. Действенность обыкновенных законов обуславливалась их согласием с основными законами.

Для того же, чтобы на практике подчинение обыкновенных законов основным законам осуществлялось без каких-либо особых затруднений и с достаточной определенностью, основные законы наделялись некоторыми формальными признаками отличия от законов обыкновенных. Формальные отличия были направлены на то, чтобы сообщить основным законам легкую распознаваемость, большую – по сравнению с обыкновенными законами – устойчивость. Характерным отличительным формальным признаком основных законов являлся и особый порядок их издания. Для проведения грани, отделяющей основные законы от обыкновенных, применялся тот же принцип, что и для разграничения законов и указов. Однако при этом Ф. В. Тарановский делал оговорку, что речь идет не о первоначальном издании основных законов, а только о возможном их последующем изменении. Такой специальный порядок изменения основных законов преследовал единственную цель – придать этим законам некоторую неизменность и возможно большую устойчивость [5, с. 491–496].

В теоретических исследованиях российских ученых и политических мыслителей либерального направления тщательно изучался вопрос *о путях реализации принципа верховенства закона*. Так, Ф. В. Тарановский считал, что для действительного утверждения в законодательстве начала правомерности необходимо установить особые гарантии, то есть специальные меры защиты основных законов от их неправомерного изменения. Соответствующие меры должны были предприниматься или в процессе издания законов, при их обнародовании, или в порядке их применения. По мнению правоведа, современный государственный строй не выработал надежных юридических гарантий для обеспечения правомерности в законодательстве. Вместо них действовали политические гарантии, которые создавались благодаря участию в законодательстве различных элементов – народного представительства, двух законодательных палат и правительства. Все эти элементы взаимно сдерживали друг друга и, таким образом, предохраняли законодательство от нарушения основных законов. Не следовало также забывать и о внутренней моральной дисциплине лиц, участвующих в отправлении функций верховной власти. Без внутренней моральной дисциплины деятельность государственных органов могла привести к известному произволу [5, с. 498–501].

Анализ теоретических позиций российских либеральных мыслителей и ученых юристов по вопросу о верховенстве закона позволяет выделить два аспекта: понимание закона в материальном либо

в формальном смысле. Первый подход отрицает верховенство тех актов законодательства, которые составляют продукт осуществления не нормативной, а прагматической функции, второй – требует придерживаться нормативной природы и формы закона.

Литература:

1. Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Изд-во: «Наука», 1969. 287с.
2. Алексеев А.С. Начала верховенства права в современном государстве // Вопросы права. Книга 11. 1910. С. 5 – 17.
3. Алексеев А.С. Начала современного правового государства и русский административный строй накануне 6 августа 1905 года. М., 1905. 357 с.
4. Гессен В.М. О правовом государстве // Правовое государство и народное голосование. К реформе государственного строя России. Выпуск 2. СПб.: Изд-во: «Н. Глаголева», 1906. 361 с.
5. Тарановский Ф.В. Учебник энциклопедии права. Юрьев: Типография: «К. Матисена», 1917. 534 с.
6. Коркунов Н.М. Русское государственное право. Издание 4-е. Т.2. СПб.: Изд-во: «Типография М.М. Стасюлевича», 1903. 596 с.

7. Коркунов Н.М. Указ и закон. СПб.: Изд-во: «Типография М.М. Стасюлевича», 1894. 408 с.

References:

1. Rousseau J.J. Treatises. M.: Published by «Nauka», 1969. 287p.
2. Alekseyev A.S. The beginning of law supremacy in a modern state // Voprosy prava. Book 11. 1910. P. 5 - 17.
3. Alekseyev A.S. The beginning of a modern legal state and the Russian administrative system on the eve of August 6, 1905. M., 1905. 357 с.
4. Gessen V.M. On a legal state // Legal state and public voting. On the reform of the state system in Russia. Issue 2. StPetersb.: Published by “N. Glagolev”, 1906. 361 p.
5. Taranovskiy F.V. A study book of a law encyclopedia. Yuryev: Published by “K. Matissen”, 1917. 534 p.
6. Korkunov N.M. The Russian state law. Edition 4. V. 2. StPetersb.: Published by “Tipografiya M.M. Stasyulevitcha”, 1903. 596 p.
7. Korkunov N.M. Decree and law. StPetersb.: Published by “Tipografiya M.M. Stasyulevitcha”, 1894. 408 p.